

Билингвизм Московской Руси и его отражение в литературных памятниках XVI века

Исследована проблема билингвизма в литературных памятниках XVI в. Дан краткий экскурс в историю изучения данного вопроса в отечественной лингвистической традиции. Подчеркнуто, что в научной практике имеет место консерватизм в рассмотрении семиотических процессов, которые часто сводят только к оппозиции «церковнославянский — древнерусский». Отмечено богатство стилистических форм и речевых формул в языковой практике XVI в. Проанализированы полемические сочинения указанного периода с целью выявить и доказать неравномерность билингвальнойности и ее зависимость от социокультурных условий, языковой личности автора, жанра литературного памятника и аксиологических характеристик, которые опосредованно включены в текст. В ходе изучения языкового материала применены историко-лингвистический, контекстуально-семантический, сравнительный и стилистический методы, позволяющие исследовать памятники разных культурных традиций в русле многофункциональности и полисемантической так называемой гибридной литературы XVI столетия. Прокомментированы наиболее характерные черты памятников: контаминация разговорно-бытовых элементов, приказной речи и церковнославянизмов; использование библейских интертекстов; отражение высокого и низкого в семантике словесных оборотов; эмотивная наполненность языка как новый риторический прием в коммуникативном пространстве древнерусского текста. Сделан вывод о неоднозначности языковых процессов в эпоху расцвета билингвизма в Московской Руси XVI в., об изменении и усложнении двуязычия за счет роста межкультурных связей в литературе, трансформации книжной традиции и появления новых речевых привычек в словесном творчестве.

Ключевые слова: билингвизм, Московская Русь, древнерусский текст, церковнославянский язык, полемические сочинения, семантика, риторика.

The article examines the problem of bilingualism in literary monuments of the XVI century. A brief digression into the history of the study of this issue in the Russian linguistic tradition is given. The conservatism existing in scientific practice in the consideration of semiotic processes, which are often reduced only to the opposition "Church Slavonic — Old Russian", is emphasized. The richness of stylistic forms and speech formulas in the language practice of the XVI century is noted. The polemical works of this period are analyzed in order to identify and prove the unevenness of bilingualism and its dependence on socio-cultural conditions, the linguistic personality of the author, the genre of the literary monument and axiological characteristics that are indirectly included in the text. Historical-linguistic, contextual-semantic, comparative and stylistic methods are used in the course of studying the language material. They allow us to explore the monuments of different cultural traditions in line with the multifunctionality and polysemanticism of the so-called hybrid literature of the XVI century. The most characteristic features of the monuments are documented: contamination of colloquial and everyday elements, command speech and Church Slavonicisms; the use of biblical intertexts; reflection of high and low in the semantics of verbal turns; emotive fullness of language as a new rhetorical technique in the communicative space of the Old Russian text. The conclusion is made about the ambiguity of language processes in the heyday of bilingualism in Moscovite Rus' of the XVI century, about the change and complication of bilingualism due to the growth of intercultural ties in literature, the transformation of the book tradition and the emergence of new speech habits in verbal creativity.

Keywords: bilingualism, Moscovite Rus', Old Russian text, Church Slavonic language, polemical writings, semantics, rhetoric.

Проблема языковой ситуации Московской Руси была и остается в центре внимания нескольких поколений отечественных филологов прежде всего потому, что не решен до конца статус основной культурной традиции: была она сакральной, церковнославянской или бытовой, деловой? Такая прямолинейная постановка вопроса в XX столетии часто приводила к бурным дискуссиям, сторонники которых опирались на свои факты, опровергая точку зрения оппонентов и выдвигая собственные аргументы. Эти материалы уже широко описаны в лингвистической литературе, посвященной непростой теме билингвизма, начиная с работ А.И. Соболевского [1], А.А. Шахматова [2], Е.Ф. Карского [3] и продолжая исследованиями 1940–1990-х гг., выполненными такими крупными историками языка, как Б.А. Ларин [4], С.П. Обнорский [5], В.В. Виноградов [6], Ф.П. Филин [7], Б.А. Успенский [8]. Интересный поворот в трактовке билингвизма обнаруживаем у А.С. Герда [9].

Так, академик А.И. Соболевский, подготовивший первый законченный курс истории русско-го литературного языка (впервые опубликован в 1980 г.), прямо противопоставлял церковно-

славянский язык (письменность) Древней Руси деловому языку (письменности). Тем не менее ученый отлично понимал сложность и неоднозначность проявлений такого дуализма [1. С. 51]. Многие интересные наблюдения А.И. Соболевского остались неизвестны современникам.

Вслед за А.А. Шахматовым и В.В. Виноградов подчеркивает значение языка деловых памятников в общерусском процессе становления единого литературного языка, особенно в период так называемого двуязычия.

В направлении и развитии процессов взаимоотношений и взаимовлияний двух типов древнерусского литературного языка сыграла большую роль письменно-деловая речь. Будучи связана с территориальными и социально-групповыми диалектами, с разными сферами профессиональной лексики и фразеологии, деловая речь оказывала, правда в разной степени, воздействие на оба типа древнерусского литературного языка и сама подвергалась, особенно интенсивно с XVII века, «олитературиванию», обогащаясь разнообразными средствами выразительности и изобразительности [10. С. 202].

Этот взгляд был необычен. Остается таким он и сейчас, поскольку роль приказной литературы была принижена в силу ее утилитарности. В.В. Виноградов попытался изменить сложившуюся точку зрения: он говорил о неоднозначности билингвизма и его трактовок, призывал ученых не только изучать тексты традиционно сложившихся жанров, но и привлекать новые источники для определения статуса не одной, а *разных* языковых ситуаций в Древней Руси.

По-другому говорит об этом Б.А. Успенский. Он на первый план выдвигает культурную модель языка, вводит его в контекст социально-исторических маркеров эпохи, оставаясь, впрочем, на позициях главенства «сакральности» церковнославянской письменности. Этот взгляд, обсуждавшийся не раз в научной литературе, получает новый импульс в работах Б.А. Успенского, который все же не следует «прямому расчленению» языка, а замечает, что в Киевской Руси «диглоссию можно определить как такую языковую ситуацию, когда два разных языка воспринимаются (в языковом коллективе) и функционируют как один язык» [8. С. 27].

Авторитетный Лингвистический энциклопедический словарь обсуждал проблему социального билингвизма и полиглоссии как соотношения «различных социально противопоставленных друг другу подсистем одного языка» [11. С. 481–482].

Даже в трудах по русской этнолингвистике и диалектологии этот вопрос поднимался в контексте исследования генезиса и характера эволюции групп говоров, где, по мнению А.С. Герда, тоже прослеживается четкий дуализм. Так, в статье «К истории образования говоров Заонежья» он показал картину языкового развития данного региона, выделив шесть основных периодов в его истории. Из них последние три сопряжены с распространением не книжного двуязычия: «Период возникновения развитых форм билингвизма, языкового и этнического скрещивания...»; «Существование рядом трех типов речи: прибалтийско-финской, восточнославянской и билингвизма»; «Отмирание билингвизма, переход на восточнославянскую речь; рост восточнославянских инноваций — период формирования особого заонежского типа севернорусских диалектов» [9. С. 212–213].

Приведенные взгляды ученых и подходы к пониманию проблемы билингвизма подводят нас к мысли, что основные показатели языкового дуализма в Московской Руси — противопоставление церковнославянской и древнерусской языковых систем и представленность в текстах того времени оппозитивных речевых формул, контаминированных языковых средств.

В восточном христианстве, в отличие от католической Европы, особая связь Церкви с пастырской достигалась участием в богослужении всех верующих, условием чего было понимание языка богослужения. Поэтому литургические тексты и Священное Писание на христианском Востоке перевели на местные языки, а богослужение совершали на языке, понятном всем. Таким языком для славян стал язык переводов христианской канонической литературы, которые были сделаны в IX в. преподобными монахами Кириллом и Мефодием и их прямыми учениками на основе солунского диалекта балканских славян. Язык этих переводов, который принято называть старославянским, стал общеславянским литературным языком эпохи праславянского единства.

За более поздними редакциями этого языка закрепилось название «церковнославянский язык» (русского, болгарского, хорватского, сербского и иных изводов, или редакций).

Но если в Киевской Руси носителями южнославянско-восточнославянского двуязычия были все слои общества, то в Московской Руси церковнославянский язык понимает уже только аристократия — духовная и светская, поэтому и двуязычие охватывает только эти слои. Надо заметить, что знание церковнославянского языка и сближающейся с ним разновидности древнерусского литературного языка, которую В.В. Виноградов называл книжно-славянским типом древнерусского литературного языка, останется критерием образованности русского человека до начала XVIII в.

Процесс архаизации книжниками XV–XVII вв. русского литературного языка на фоне отвечающего интересам политической формулы «Москва — третий Рим» укрепления церковнославянского языка приводит к тому, что недоступным для социальных низов становится не только церковнославянский язык, но и архаизированный русский литературный язык, в котором сближаются обе его разновидности: книжно-славянская и народно-литературная.

Однако было бы заблуждением полагать, что сближение всей целостности древнерусского литературного языка с церковнославянским означает их тождественность. Переход на церковнославянский в небогословских жанрах не приводит к возобновлению характерных для церковнославянского языка исходных контекстов символических значений грамматических форм. Скажем, в богословии из форм прошедшего времени наиболее распространен имперфект, передающий ощущение повторяемости, вечности. Символическое значение сопровождает и употребление перфекта, как, например, в молитве «Богородице Дево, радуйся...»: «...яко Спаса родила еси душ наших». Замена перфекта на причастие прошедшего времени (*родила*) приведет к утрате понимания непрерываемой духовной значимости свершившегося в прошлом события. Перфект передавал не действие, а состояние, являющееся результатом действия, совершенного в прошлом (передается причастием прошедшего времени), и сохраняющееся (что передается формой настоящего времени глагола *быти* — *еси*) в момент произнесения: 'сейчас является сделавшей это'. Иначе используется перфект в текстах другой природы. В личном послании Ивана Грозного архиепископу Казанскому Гурию, фрагмент из которого приводим по изданию В.Н. Татищева, перфект (*писаль еси*) выполняет собственно грамматическую функцию, обозначая действие, совершенное в прошлом и имеющее отношение к моменту речи:

Преблагаго, единосущнаго, въ Троицъ славимаго Бога (а) освященному и боголюбивому (б) Архіепископу Царства Казанскаго Гурію челобитіе отъ насъ и отъ всѣхъ нашихъ niskій поклонъ. Господь Богъ да сохранить пути твоя, и продолжить ти лѣта, и спасеть тя отъ всякаго зла душевнаго же и тѣлеснаго.

Писаль ты еси ко мнѣ, [что] въ данной тебѣ отъ Бога и отъ насъ (с) паствѣ во градѣ Казани сострояешь монастырь, еже азъ начахъ, и другіи хоцещи строити, се дѣло добро содѣваеши, помози тебѣ Богъ за тое; а чтобъ старцы ненуждны были руками работати, землю орати, сѣмена снѣдаемая съяти, а въ житницы гнѣющія собирати, а орють сердца, съють словеса Божія, словеса чиста, а собирають дѣши въ жилища вѣчная учениемъ си, да наслѣдять царство небесное и благая вѣчная; а на тое просите, а быхомъ дали есма отчины въ Арской и Нагайской четвертяхъ, елико пригожь (д) [12. С. 127–128].

Собственно грамматический смысл имеет в этом послании и аорист (*азъ начахъ*), обозначающий не соотносимое с настоящим единичное действие, совершенное в прошлом. Сохранение результата второй палатализации в глагольной основе (*помози*), сочетание *жд* (*ненуждны*), союзы *еже*, *елико*, формы *быхом*, *есма* и др. — свидетельства расхождения с живой речью. Напомним, что одинаково архаично воспринимались и южнославянские слова и формы, и вышедшие из живого употребления древнерусские слова и формы. Разобщению литературного языка с живой речью в Московской Руси способствовал и тот факт, что речь великороссов — смешавшейся с угро-финскими племенами части древнерусского этноса, искавшей спасения от кочевников на северо-востоке, — возникла на иной диалектной базе, чем речь жителей Киевской Руси.

Уже по этому небольшому фрагменту видно, что литературное дарование царя Ивана Грозного не ограничивается воспроизведением восходящих к Псалтыри речений: *Господь Богъ да сохра-*

нитъ пути твоя, и продолжитъ ти льта, и спасетъ тя отъ всякаго зла душевнаго же и тѣлеснаго. Он ритмизирует текст, располагая определения после определяемых слов (*старцы ненуждны, житницы гніюція, словеса Божія, словеса чиста, жилища вѣчная*), а объекты — перед глаголами (*дѣло содѣваеши, землю орати, сѣмена сѣяти*), используя ряды однородных членов предложения с одинаковыми окончаниями: *работати, орати, сѣяти, собирати; орютъ сердца, сѣютъ словеса, словеса чиста*. Созвучия (*дѣло добро, руками работати, сѣмена снѣдаемая сѣяти*) поддерживают общую ритмическую тональность текста.

Сложносоставное противопоставление житейского и духовного образуется троекратной трансформацией прямого значения в переносное:

руками работати,
землю орати — орютъ сердца,
сѣмена снѣдаемая сѣяти — сѣютъ словеса Божія,
сѣмена въ житницы гніюція собирати — собирають души въ жилища вѣчная.

А сохраняющаяся последовательность действий *орютъ — сѣютъ — собирають* преобразует второй ряд противопоставления в развивающуюся метафору: *орютъ сердца — сѣютъ словеса Божія — собирають дѣла въ жилища вѣчная*.

Противопоставление усиливается не только повтором глаголов с изменившимся значением, но и последовательным противопоставлением глагольных форм (*орати — орютъ, сѣяти — сѣютъ, собирати — собирають*) и перестановкой прямого дополнения из препозиции в постпозицию по отношению к глаголу: *землю орати — орютъ сердца, сѣмена сѣяти — сѣютъ словеса, сѣмена собирати — собирають души*. Таким образом, противопоставление закрепляется и на уровне ритмико-синтаксической организации высказывания и углубляется вторым уровнем противопоставлений, образуемым определениями: *снѣдаемая — Божія, гніюція — вѣчная*.

Уже на примере этого небольшого фрагмента видно совершенное владение царем «извитием словес» — сложной системой ритмико-семантической организации текста (ср.: [13]), которая с XIV в. утвердилась в жизнеописаниях святых, а потом распространилась и на другие жанры: «Это был начитаннейший москвич XVI века. Недаром современники называли его “словесной мудрости ритором”» [14. С. 225].

Архаизация охватывает и жанры, далекие от богословских тем. «Челобитные» к юному царю Ивану Васильевичу Ивана Пересветова, одного из образованнейших людей своего времени, известного как идеолога дворянской службы и обличителя бояр, воспроизводят формы книжного языка:

Государю благовѣрному великому царю і великому князю Ивану Васильевичю всеа Русіи бьетъ челомъ холоп твой государевъ выезжей із Литвы Івашко Семенов сынъ Пересвѣтова. Вывезъ есми к тебѣ, къ государю, рѣчи ізо многих королевствъ государскія и от Петра, воеводы волоского, і дѣла твои царскіе; і тѣ, государь, рѣчи і дѣла легли в твоей казнѣ государевѣ, а меня, холопа своего, за тѣ рѣчи і за дѣла велѣл еси, государь, гораздо пожаловати. І по приказу твоему государеву яз, холопъ твой гораздо пожалован; а тѣ, государь, рѣчи і дѣла і до сѣх мѣсть перед тобою, государемъ, не были (1-я челобитная) [15. С. 59–60].

Сложная форма прошедшего времени (*вывезъ есми*), старославянское *яз*, прикрытое, правда, йотом, отсылают к процессу архаизации русского литературного языка эпохи Московского государства.

Отсутствие йотации перед *а* (*всеа*), написание «и десятиричного» (*і*) перед гласными (*Русіи*) — следы второго южнославянского влияния, под которым иногда понимают только внешний процесс, отразившийся на русской графике и орфографии в уподоблении их болгарским и сербским, обращенным к греческой традиции. Графическая культура южных славян пришла в Московское государство в конце XIV в. вместе со спасающимися от османов греческими, болгарскими и сербскими книжниками и церковниками.

Те же фонетические и грамматические приметы находим и во второй челобитной И. Пересветова:

Государю благовѣрному великому царю і великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи бьет челом холоп твой государевъ Івашко Семеновъ сынъ Пересвѣтова, чтобы еси, государь, пожаловал холопа своего, велѣл службишка посмотреть. Коли есми выѣхалъ на твое имя государево, і вывезъ есми образецъ тое службы к тебѣ, къ государю; і тотъ образецъ службы моей передъ тобою, пред государемъ, клали (2-я челобитная) [Там же. С. 79].

Однако в этих фрагментах архаичные элементы не несут никакой дополнительной нагрузки, кроме собственно грамматической. Они свободно сочетаются с формулами жанра челобитной: *бьет челом холоп твой, Івашко Семеновъ сынъ Пересвѣтова; службишка.*

В произведениях Пересветова и переписке князя Курбского с царем Иваном Грозным элементы приказной словесности наблюдаются как в единичных формах (отдельные лексемы), так и в отрывках (целые синтагмы, клаузулы):

Да такъ рекъ Петръ, волоскій воевода: У благовѣрнаго царя Константина въ Царѣградѣ воинники оскудѣли і обнищали, а мытари богатѣли, а иныя воинники, видячи то непризрѣніе благовѣрнаго царя к воинству, і они, оставивши воинство, да на мытарства же прелщалися, і царство царя Константина оскужали і казну цареву, а сами мытари богатѣли: іно государю гдѣ взяти в казну царскую десять рублевъ, і онѣ на царя возмут десять рублевъ, а на себя сто рублевъ (1-я челобитная) [Там же. С. 65].

В челобитных Пересветова нет ничего пародийного, как, например, в произведениях позднего периода («Калязинская челобитная»). Д. С. Лихачев определил причины этого явления: «Активное стремление к преобразованию жизни не могло удовлетвориться старыми формами публицистики, слишком условными и слишком церковными. Действительному характеру дворянского мировоззрения лучше всего отвечали действительные формы деловой письменности — они стояли ближе к действительности, к ее нуждам и потребностям, воздействовали на жизнь не только литературными, но и деловыми средствами» [16. С. 54].

Таким образом, на литературную арену выходит приказная номенклатура в качестве не только делового письма, но и способа воздействия на церковнославянскую традицию.

В полемике Курбского с царем хорошо заметна основная тенденция языкового развития и мышления того времени — преобладание разноуровневых семантико-стилистических компонентов церковного происхождения: и лексических, и грамматических, и жанрово-текстологических. Вот как начинает свое обращение князь Курбский:

Царю, от бога препрославленному, паче же во православии пресвѣтлу явившуся, нынѣ же — грех ради наших — сопротивнымъ обретеса, разумѣвая да понимает, совесть прокаженну имуще, якова же ни в безбожныхъ языцехъ обретаеся. И больши сего глаголати о всем по ряду не попустих моему языку, но гонения ради прегорчайшаго от державы твоя и от многе горести сердца потщуся мало изрещи ти, о царю (Первое послание Курбского Ивану Грозному) [17. С. 16].

В письмах Курбский и царь апеллируют к библейским текстам и духовным сочинениям как к первоисточнику истины. Причем противники отстаивают свой стиль, свое понимание словесного ремесла как орудия борьбы. Так, Курбский говорит:

А хотѣх на каждое слово твое отписати, о царю, и мог бы избранне, понеже за благодатию Христа моего и языкъ маю аттически по силе моей наказанъ, аще уже и во старости моей здѣ приучихся сему; но удержавъ руку со тростию сего ради, яко и в прежнемъ посланию моемъ написах ти, возлагаючи все сие на божий суд; и умыслих и лучше рассудихъ здѣ в молчанию пребыти, а тамо глаголати пред маестатом Христа моего со дерзновениемъ вкупе со всѣми избіенными и гонимыми от тебя, яко и Соломон рече: «Того, — рече, — стануть праведнии предъ лицомъ мучащихъ», тогда, егда Христосъ приидеть судити... (Второе послание Курбского Ивану Грозному) [Там же. С. 76].

Впервые в посланиях царских сановников используется и разговорная лексика с элементами ругательства:

Егда же развращенныи и прелукавыи развратиша тя, сопротив обрелся еси и по таковомъ покоянію возвратился еси на первую блевотину за совѣтом и думою любимых твоих ласкателей, егда церковь твою телесную осквернили различными нечистотами, ноипаче же пятиградные гнусности ... вместо избранных и преподобныхъ мужей, правду ти глаголющих не стыдяся, прескверныхъ паразитовъ и маньяковъ поднесъ тобѣ <...> (Третье послание Курбского Ивану Грозному) [Там же. С. 102].

В представленном отрывке и далее по тексту отмечаются контаминации церковнославянских форм и лексических элементов со словами и выражениями обиходно-бытового характера: *возвратился еси на первую блевотину; пятиградные гнусности; прескверных паразитовъ и маньяков; кромышников, или опришницов кроваядных; скоморохов со различными дудами и богоненавистными бесовскими пьсьями* [Там же].

В посланиях Курбского встречаются и другие элементы отклонений от общего строя славянского «глаголания». Это не только указанные контаминации и отдельные словесные миниатюры, но и целые конструкции, закрепляющие на письме русские союзы типа *яже, яко*, употребленные на фоне церковнославянской орнаментики:

А писал той отвѣт к недругом своим, *яже* укаряше его изгнанцом и изменником, тому подобно, *яко* твое величество нас <...> (Третье послание Курбского Ивану Грозному [Там же. С. 96].

Зри, о царю, со прилежаниемъ: аще поганские философи по естественному закону достигли таковую правду и разумность со дивною мудростию между себя, *яко* апостоль рече <...> [Там же].

И мало того, *яко* не постыдился еси и не усрамился от господа наказания и обличения, *яко* и во перших епископиях <...> [Там же].

Язык Ивана Грозного, в противовес посланиям Курбского, более яркий в средствах выразительности. Царь гораздо шире (и в количественном, и в семантическом отношении) употребляет нетрафаретные языковые приемы, непривычную для писем высшей знати лексику:

И сие убо твое *злосбесное измънное собацкое умышление* како не уподобится Иродову злomu неистовству <...> (Первое послание Ивана Грозного Курбскому) [Там же. С. 24].

И ты все забыль еси, *собацкимъ измъннымъ обычаемъ* преступивъ крестное целование, ко врагом христианскимъ соединился еси <...> [Там же. С. 28].

Все же наблюдалось верховенство книжных форм, которое было продиктовано не только близкой авторам **церковной традицией**, но и объективными причинами. Славянские формы дают большие возможности выразить чувства и отношения, они имеют богатый запас художественных средств, изысканную стилистику, оригинальный набор метафорических смыслов и свою особую интонацию даже в пределах такого неустоявшегося жанра, как публицистика. Славянская стихия в сочинениях XVI в. есть выражение высокого и в форме, и в смысле.

Не стоит думать, однако, что преобладание одних качеств текста над другими было единственной формой выражения царской «языковой» воли в то время. Этот книжный язык еще и осознанная манифестация эрудиции полемистов, их образованности, умения спорить. Недаром, по мнению академика А.М. Панченко, «в XVII веке ученые прения стали непременным элементом культуры», а та, в свою очередь, понималась и преподносилась уже по-другому — «как состязание» [18. С. 162].

Иван Грозный, бесспорно, хорошо владел **искусством** древнерусского книжника и имел, несомненно, самобытные писательские способности. Он мог говорить и по-славянски, и «по-подьячески» и использовать приемы старинного летописания. Царь опускался до «неподобной брани» и в то же время деловито обсуждал насущные хозяйственные, торговые, политические и духовные проблемы.

Конечно, специфика полемической литературы во многом определялась личностью писателя и его талантом. Эти произведения выделялись в литературе того времени и не вписывались в традиционную схему билингвизма: в них намечается изменение вектора развития литературного языка в сторону синкретизма культурных традиций.

Литература

1. *Соболевский А.И.* История русского литературного языка. Л.: Наука, 1980. 195 с.
2. *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. М.: Учпедгиз, 1941. 288 с.
3. *Карский Е.Ф.* Значение Ломоносова в развитии русского литературного языка // Труды по белорусскому и другим славянским языкам / Е.Ф. Карский. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 177–187.

References

1. *Sobolevsky A.I.* Istorii russkogo literaturnogo iazyka. Leningrad: Nauka, 1980. 195 s.
2. *Shakhmatov A.A.* Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka. Moscow: Uchpedgiz, 1941. 288 s.
3. *Karsky E.F.* Znachenie Lomonosova v razvitii russkogo literaturnogo iazyka // Trudy po belorusskomu i drugim slavianskim iazykam / E.F. Karsky. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1962. S. 177–187.

4. *Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М.: Высшая школа, 1975. 325 с.

5. *Обнорский С.П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 199 с.

6. *Виноградов В.В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // История русского литературного языка: избранные труды / В.В. Виноградов. М.: Наука, 1978. С. 65–151.

7. *Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981. 326 с.

8. *Успенский Б.А.* Антиповедение в культуре Древней Руси // Избранные труды. Т. 1: Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. С. 320–332.

9. *Герд А.С.* К истории образования говоров Заонежья // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л.: ЛГУ, 1979. С. 206–213.

10. *Виноградов В.В.* Роль художественной литературы в процессе формирования и нормирования русского национального литературного языка до конца 30-х гг. XIX в. // История русского литературного языка: избранные труды / В.В. Виноградов. М.: Наука, 1978. С. 202–205.

11. *Швейцер А.Д.* Социоллингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 481–482.

12. Письмо своеручное Царя Иоанна Васильевича к Гурію Архієпископу Казанскому // Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича. М.: При Императорском университете, 1768. С. 127–130.

13. *Валентинова О.И.* Системный подход к изучению текста и стиля: обоснование причинной типологии текстов // Системный взгляд как основа филологической мысли / О.И. Валентинова, В.Н. Денисенко, С.Ю. Преображенский, М.А. Рыбаков. М.: Языки славянских культур, 2016. С. 171–247.

14. *Ключевский В.О.* Русская история. М.: Эксмо, 2005. 912 с.

15. *Ржига Р.Ф.* И.С. Пересветов — публицист XVI века: (с приложением сборника его сочинений). М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1908. 84 с.

16. *Лихачев Д.С.* Иван Пересветов и его литературная современность // Сочинения И. Пересветова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 28–56.

17. Памятники литературы Древней Руси: вторая половина XVI века. М.: Худож. лит., 1986. 640 с.

18. *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 206 с.

4. *Larin B.A.* Lektsii po istorii russkogo literaturnogo iazyka (X — sredina XVIII v.). Moscow: Vysshiaia shkola, 1975. 325 s.

5. *Obnorsky S.P.* Ocherki po istorii russkogo literaturnogo iazyka starshego perioda. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1946. 199 s.

6. *Vinogradov V.V.* Osnovnye problemy izucheniia obrazovaniia i razvitiia drevnerusskogo literaturnogo iazyka // Istoriia russkogo literaturnogo iazyka: izbrannye trudy / V.V. Vinogradov. Moscow: Nauka, 1978. S. 65–151.

7. *Filin F.P.* Istoki i sud'by russkogo literaturnogo iazyka. Moscow: Nauka, 1981. 326 s.

8. *Uspensky B.A.* Antipovedenie v kul'ture Drevnei Rusi // Izbrannye trudy. T. 1: Semiotika kul'tury. Moscow: Gnozis, 1994. S. 320–332.

9. *Gerd A.S.* K istorii obrazovaniia govorov Zaonezh'ia // Severnoruskie govory. Vyp. 3. Leningrad: LGU, 1979. S. 206–213.

10. *Vinogradov V.V.* Rol' khudozhestvennoi literatury v protsesse formirovaniia i normirovaniia russkogo natsional'nogo literaturnogo iazyka do kontsa 30-kh gg. XIX v. // Istoriia russkogo literaturnogo iazyka: izbrannye trudy / V.V. Vinogradov. Moscow: Nauka, 1978. S. 202–205.

11. *Shveits'er A.D.* Sotsiolingvistika // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. Moscow: Sov. entsiklopediia, 1990. S. 481–482.

12. Pis'mo svoeruchnoe Tsaria Ioanna Vasil'evicha k Guriuu Arkhiepiskopu Kazanskomu // Sudebnik gosudaria tsaria i velikago kniazia Ioanna Vasil'evicha. Moscow: Pri Imperatorskom universitete, 1768. S. 127–130.

13. *Valentinova O.I.* Sistemyi podkhod k izucheniiu teksta i stilia: obosnovanie prichinnoi tipologii tekstov // Sistemyi vzgliad kak osnova filologicheskoi mysli / O.I. Valentinova, V.N. Denisenko, S.Yu. Preobrazhensky, M.A. Rybakov. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2016. S. 171–247.

14. *Klyuchevsky V.O.* Russkaia istoriia. Moscow: Eksmo, 2005. 912 s.

15. *Rzhiga R.F.* I.S. Peresvetov — publitsist XVI veka: (s prilozheniem sbornika ego sochinenii). Moscow: Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete, 1908. 84 s.

16. *Likhachev D.S.* Ivan Peresvetov i ego literaturniaia sovremennost' // Sochineniia I. Peresvetova. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1956. S. 28–56.

17. Pamiatniki literatury Drevnei Rusi: vtoraiia polovina XVI veka. Moscow: Khudozh. lit., 1986. 640 s.

18. *Panchenko A.M.* Russkaia kul'tura v kanun petrovskikh reform. Leningrad: Nauka, 1984. 206 s.

Валентинова Ольга Ивановна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры общего
языкознания Российский университет
дружбы народов

Valentinova Olga I.,
Doctor of Philology, Professor of the
of General Linguistics Department
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: ovalentinova@yandex.ru

Никитин Олег Викторович,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
Петрозаводский государственный
университет

Nikitin Oleg V.,
Doctor of Philology, Professor
of the Russian Language Department
Petrozavodsk State University

e-mail: olnikitin@yandex.ru

